

Шведская спичка — эпизод 5 из 8

Я здоров. Хорошо, пусть я с ума сошел, но чем вы объясните ее смущение при нашем появлении? Как вы объясните ее нежелание давать показания?

Допустим что это пустяки хорошо! ладно! так вспомните про их отношения!

Она ненавидела своего брата! Она староверка, он развратник, безбожник...

Вот где гнездится ненависть! Говорят, что он успел убедить ее в том, что он ангел сатаны. При ней он занимался спиритизмом!

Ну, так что же?

Вы не понимаете? Она, староверка, убила его из фанатизма! Мало того, что она убила плевел, развратника, она освободила мир от антихриста и в этом, мнит она, ее заслуга, ее религиозный подвиг! О, вы не знаете этих старых дев, староверок! Прочитайте-ка Достоевского! А что, пишут Лесков, Печерский!.. Оба и она, хоть зарежьте! Она душила! О, ехидная баба! Разве не затем только стояла она у икон, когда мы вошли, чтобы отвести нам глаза? Дай, мол, стану и буду молиться, а они подумают, что я покойна, что я не ожидаю их! Это метод всех преступников-новичков. Голубчик, Николай Ермолаич! Родной мой! Отдайте мне это дело! Дайте мне лично довести его до конца! Милый мой! Я начал, я и до конца доведу!

Чубиков замотал головой и нахмурился.

Мы и сами умеем трудные дела разбирать, сказал он. А ваше дело не лезть, куда не следует. Пишите себе под диктовку, когда вам диктуют, вот ваше дело!

Дюковский вспыхнул, хлопнул дверью и вышел.

Умница, шельма! пробормотал, глядя ему вслед, Чубиков. Бо-ольшая умница!

Горяч только некстати. Нужно будет ему на ярмарке портсигар в презент купить...

На другой день утром к следователю был приведен из Кляузовки молодой парень с большой головой и заячьей губой, который, назвавшись пастухом Данилкой, дал очень интересное показание.

Был я выпимши, сказал он. До полночи у кумы просидел. Идучи домой, спяна полез в реку купаться. Купаюсь я... глядь! Идут по плотине два человека и что-то черное несут. Тю! крикнул я на них. Они испужались и что есть духу давай стрекача к макарьевским огородам. Побей меня бог, коли то не барина волокли!

В тот же день перед вечером Псеков и Николашка были арестованы и отправлены под конвоем в уездный город. В городе они были посажены в тюремный замок.

Прошло двенадцать дней.

Было утро. Следователь Николай Ермолаич сидел у себя за зеленым столом и перелистывал кляузовское дело; Дюковский беспокойно, как волк в клетке, шагал из угла в угол.

Вы убеждены в виновности Николашки и Псекова, говорил он, нервно теребя свою молодую бородку. Отчего же вы не хотите убедиться в виновности Марьи Ивановны? Вам мало улик, что ли?

Я не говорю, что я не убежден. Я убежден, но не верится как-то... Улик настоящих нет, а всё какая-то философия... Фанатизм, то да се...

А вам непременно подавай топор, окровавленные простыни!.. Юристы! Так я же вам докажу! Вы перестанете у меня так халатно относиться к психической стороне дела! Быть вашей Марье Ивановне в Сибири! Я докажу! Мало вам философии, так у меня есть нечто вещественное... Оно покажет вам, как права моя философия! Дайте мне только поездить.

О чем это вы?

Про шведскую спичку-с... Забыли? А я не забыл! Я узнаю, кто зажигал ее в комнате убитого! Зажигал не Николашка, не Псеков, у которых при обыске спичек не оказалось, а третий, то есть Марья Ивановна. И я докажу!.. Дайте только поездить по уезду, поразузнать...

Ну, ладно, садитесь... Давайте допрос делать.

Дюковский сел за столик и уткнул свой длинный нос в бумаги.

Ввести Николая Тетехова! крикнул следователь.

Ввели Николашку. Николашка был бледен и худ как щепка. Он дрожал.

Тетехов! начал Чубиков. В 1879 г. вы судились у судьи 1-го участка за кражу и были приговорены к тюремному заключению. В 1882 г. вы вторично судились за кражу и вторично попали в тюрьму... Нам всё известно...

На лице у Николашки выразилось удивление. Всеведение следователя изумило его. Но скоро удивление сменилось выражением крайней скорби. Он зарыдал и попросил позволения пойти умыться и успокоиться. Его увели.

Ввести Псекова! приказал следователь.

Ввели Псекова. Молодой человек за последние дни сильно изменился в лице. Он похудел, побледнел и осунулся. В глазах читалась апатия.

Садитесь, Псеков, сказал Чубиков. Надеюсь, что сегодняшний раз вы будете благоразумны и не станете лгать, как те разы.